

О ВТОРЫХЪ И ТРЕТЬИХЪ БРАКАХЪ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Историко-каноническій очеркъ.

Среди разнообразныхъ вопросовъ внутренней исторіи христіанскаго брачнаго права значительный интересъ для изслѣдователя представляетъ выясненіе церковнаго взгляда на вторые и третьи браки и каноническихъ опредѣленій о способѣ ихъ заключенія. Предметъ этотъ, обычно затрогиваемый лишь мимоходомъ въ системахъ православной догматики и церковнаго права, доселѣ, насколько намъ извѣстно, не вызвалъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія и не получилъ надлежащей разработки. А между тѣмъ вопросъ о способѣ заключенія вторыхъ и третьихъ браковъ, далеко не всегда—какъ увидимъ ниже—одинаково рѣшавшійся въ канонической литературѣ и въ церковно-юридической практикѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія не только самъ по себѣ, но въ равной мѣрѣ, если еще не больше, и по своему значенію для выясненія общаго вопроса—о существенныхъ элементахъ въ формѣ заключенія *всякаго* христіанскаго брака. Послѣдній вопросъ, издавна спорный въ западной догматической и церковно-юридической литературѣ, поставленъ на очередь и у насъ со времени выхода въ свѣтъ изслѣдованія покойнаго профессора Московскаго университета, А. С. Павлова, о 50-й главѣ Кормчей ¹⁾. Всесторонняго выясненія его, однако, не появилось до сихъ поръ, да и едва-ли можно ожидать его въ скоромъ времени въ виду широты и сложности такой работы, далеко выступающей за предѣлы изу-

¹⁾ 50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. М. 1867.

ченія чисто каноническихъ матеріаловъ, въ область православной догматики и литургики. Но нельзя не признать желательнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ по частямъ и постепенно подготовлялся путь къ полному и всестороннему научному рѣшенію этого важнаго вопроса. Въ качествѣ именно такой частичной и подготовительной работы мы и предлагаемъ настоящій „очеркъ“.

I.

Намъ необходимо начать свою работу съ выясненія того, какъ искони смотрѣла христіанская церковь на повторяемость брачнаго союза: при какихъ условіяхъ, въ какихъ границахъ допускала она его повтореніе, и признавались ли послѣдующіе браки, при наличности извѣстныхъ условій, *тайнствомъ*, какъ и первый, или же имъ во всякомъ случаѣ усвоялось значеніе только *гражданскихъ союзовъ*, существующихъ *jure humano*, а не *divino*? Съ точки зрѣнія современной догматики и дѣйствующаго церковнаго права вопросы эти, по-видимому, не представляютъ особенной трудности: допускаемая въ настоящее время безпрепятственно, по прекращеніи предыдущаго, второй и третій бракъ для своихъ членовъ (кромѣ лицъ іерархическихъ и тѣхъ, кому повтореніе брака воспрещено спеціальнымъ приговоромъ церковно-судебной власти), удостоивая тотъ и другой своего благословенія (хотя по иному, болѣе краткому и менѣе торжественному чину, чѣмъ первый, и съ наложеніемъ на брачущихся извѣстной эпитими) и усвояя имъ церковно-юридическія послѣдствія (напр. въ отношеніи къ разводу) одинаковыя съ первымъ бракомъ, православная церковь всѣмъ этимъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что она не отказываетъ названнымъ бракамъ въ дарахъ благодати и въ достоинствѣ христіанскаго таинства ¹⁾. Но исторически выразившееся отношеніе ея ко вторымъ и третьимъ бракамъ далеко не столь опредѣленно и нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что при исчисленіи христіанскихъ священно-

¹⁾ См. „Православно-догматическое Богословіе“ высокопреосв. Макарія, т. II, стр. 487—8 СПБ. 1883. Въ другихъ системахъ православной догматики вопросъ о сакраментальномъ достоинствѣ вторыхъ и третьихъ браковъ обычно не затронуется совсѣмъ и обходится совершеннымъ молчаніемъ.

дѣйствиі и таинствѣ даже въ очень позднихъ памятникахъ церковной письменности (XV—XVII вв.) бракъ обычно упоминается въ формулѣ: *ὁ πρῶτος γάμος, ὁ παρθενικός ἐν Κυρῷ γάμος* ¹⁾—„первый бракъ“, „дѣвственный бракъ о Господѣ“,—откуда не безъ нѣкоторой видимой убѣдительности заключаютъ, что нѣкогда лишь первый бракъ признавался имѣющимъ сакраментальное достоинство и силу. Косвеннымъ подтвержденіемъ того же самаго можетъ представляться и постоянно неблагосклонный взглядъ христіанской древности на повтореніе брака, засвидѣтельствованный въ различныхъ памятникахъ церковной письменности, начиная съ посланій апостольскихъ (напр. 1 Кор. VII, 7—9 и др.) и продолжая нравственно - аскетическими и каноническими твореніями преимущественно восточныхъ отцовъ. Сопоставляя эти данныя, легко придти къ мысли, что по церковному воззрѣнію, восходящему своимъ началомъ къ перво-христіанской эпохѣ и сохранявшему силу въ продолженіе многихъ вѣковъ, только единобрачію усвоилось въ полномъ и точномъ смыслѣ достоинство истинно-христіанскаго брака, и что только „дѣвственный бракъ о Господѣ“ считался „таинствомъ во Христа и церковь“. Разсмотримъ, однако, ближе эти данныя, чтобы правильнѣе судить затѣмъ и о степени основательности сейчасъ указаннаго вывода изъ нихъ.

Нельзя отрицать того, что церковь издревле, одобряя и благословляя первый бракъ, далеко не столь благосклонно смотрѣла на послѣдующіе ²⁾, предписывая въ

¹⁾ См. у *Zhishman'a* въ его классическомъ трудѣ: „Das Eherecht der Orientalischen Kirche“, S. 127.

²⁾ Однако, все-же не до такой степени, какъ полагаютъ нѣкоторые. утверждая, будто „съ первыхъ вѣковъ вся христіанская церковь весьма неодобрительно смотрѣла на повтореніе брака“ (*Поповъ Н.* Императоръ Левъ VI Мудрый и его царств., стр. 109. М. 1892). Такой рѣзко-отрицательный взглядъ на повторяемость брака, не согласный съ апостольскими наставленіями (Римл. VII, 3; 1 Кор. VII, 8—9, 39—40; 1 Тим. V, 14 и др.) и вытекающій изъ слишкомъ низменнаго пониманія природы брачныхъ отношеній, былъ свойственъ въ древности лишь сектамъ монтаиистовъ и новатіанъ, считавшихъ *iterata conjugia* за прелюбодѣяніе и налагавшихъ на всѣхъ, чей бракъ расторгнуть хотя бы и смертію другого супруга, требованіе обязательнаго безбрачія. Въ противоположность имъ церковь, одобряя въ своихъ членахъ воздержаніе отъ новаго брака по прекращеніи перваго, смотрѣла на это воздержаніе, какъ на дѣло личной свободы (*Epirhan. Haeres.* 48, с. 9.—ed. *Dindorf*, t. II. p. 436) и, по-

этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія для своихъ членовъ. Въ особенности это должно сказать относительно церкви восточной ¹⁾, взглядъ которой на повторяемость брака

рица сектантскій ригоризмъ, требовала отъ присоединяющихся новатіанъ, чтобы они, отрекаясь отъ своихъ заблужденій, давали письменное обѣщаніе во всемъ слѣдовать опредѣленіямъ каволической церкви и, между прочимъ, не уклоняться отъ общенія съ двоеженцами (1 Всел. соб. пр. 8). Правда, и изъ числа церковныхъ писателей древне-христіанской эпохи можно указать нѣсколькихъ, у которыхъ встрѣчаются весьма неблагоприятныя сужденія даже о второмъ бракѣ (см., напр. *Авинагора* „Прошеніе о христіанахъ“, гл. 33,—*Corp. apologet. ed. Otto, t. VII, p. 172*; р. перев. свящ. *Преображенскаго* въ Соч. древн. христ. апологет., стр. 118. М. 1867), не говоря уже о послѣдующихъ [(ср. *Оригена* — *Homil XVII in Lucas, ed. Delarue, t. III, p. 953, Paris 1740*), при чемъ, вопреки мнѣнію западныхъ ученыхъ (*Binterim, Die vorzügl. Denkwürd. Bd. VI, Th. 1, S. 331—5; Zhishman, Das Eherecht, S. 407—8*), представляется безразличнымъ, прекращенъ ли первый бракъ смертью одного изъ супруговъ, или же разводомъ. Но что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ обще-церковнымъ воззрѣніемъ извѣстной эпохи, а лишь съ частными взглядами отдѣльныхъ лицъ, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія подобныхъ заявленій съ другими, выражающими иной взглядъ, и при томъ вполне согласный съ наставленіями апостольскими. „Сочетавшіеся первымъ бракомъ—говоритъ, напр., св. Кириллъ іерусалимскій въ своемъ IV огласит. поученіи (гл. 26)—да не уникаютъ вступившихъ во второй бракъ. Воздержаніе—дѣло прекрасное и достойное удивленія, но извинительно вступить и во второй бракъ, чтобы немощнымъ не жить блудно“. (Твор. св. Кирилла, архіеп. іерусал., изд. 2-е. Серг. Пос. 1893, стр. 57). Подобныя этому сужденія находимъ мы у св. Іоанна Златоуста (*Homil. XV in 1 Tim. IV, 11—15,—Opp. ed. Montfaucon, t. XI, p. 634*), Амфилохія Иконійскаго (*Orat. de occursu Domini, c. 7,—Migne, Patrol. gr. t. XXXIX, col. 55*) и др.

¹⁾ Что касается западной половины христіанскаго міра, то здѣсь, въ противоположность аскетической тенденціи востока, съ раннихъ поръ устанавливается, въ несомнѣнной зависимости отъ нравственныхъ традицій и юридическихъ нормъ, унаслѣдованныхъ изъ до-христіанской эпохи, болѣе снисходительное воззрѣніе на повторяемость христіанскаго брака. Выраженіе такого воззрѣнія мы находимъ, напр., у блаж. Іеронима: по его словамъ, „церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно такъ же позволяетъ выходить замужъ за пятого, за шестого и т. д. мужа, какъ и за второго... Не осуждаю—продолжаетъ онъ—вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать, осмыхъ браковъ: пусть иная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать со. (Ер. ad. Раммач., — *Migne Patr. lat. t. XXII, col. 508*; русск. перев. ч. 2, стр. 43. Ср. еще замѣчательный разговоръ того же бл. Іеронима въ его письмѣ къ Агерухіи, — *Migne ib. col. 1052*). Подобныя же сужденія находимъ мы и у другого авторитетнаго учителя западной

нашелъ себѣ довольно полное и точное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ „Апостольскихъ Постановленій“ (кн. III, гл. 2): „Вы должны знать, что единобрачіе, бывающее по закону, правильно, какъ согласное съ волей Божіей; второбрачіе послѣ объѣта (чистаго вдовства) беззаконно—не само по себѣ, а вслѣдствіе невѣрности (данному объѣту); троебрачіе—знакъ невоздержанія; сверхъ же третьяго брака — явный блудъ и очевидное любострастіе“¹⁾. Болѣе подробное раскрытіе получилъ этотъ взглядъ въ цѣломъ рядѣ каноническихъ опредѣленій, доселѣ сохраняющихъ за собою значеніе нормъ дѣйствующаго права православной церкви. Какъ видно изъ этихъ опредѣленій, церковь, согласно наставленію апостола, не закрывая для юныхъ вдовствующихъ лицъ возможности вступить въ новый бракъ, тѣмъ не менѣе отдавала явное предпочтеніе обрѣкшимъ себя на воздержаніе и не только не допускала второбрачныхъ къ полученію свя-

церкви, блаж. Августина, въ его трактатѣ *De bono viduitatis* (cap. 12): основываясь на томъ, что апостольскіе предоставляютъ вдовѣ по смерти мужа (безъ обозначенія—какого: перваго, втораго и т. д.) свободу вступить въ новое супружество, а также на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ священнаго писанія, онъ рѣшительно заявляетъ, что *quoties voluerit, viris mortuis, nubat femina*, и не рѣшается, боясь противорѣчія съ писаніемъ, осуждать какой-бы то ни было бракъ (*Migne, Patrol. lat. t. XL, col. 439—440*). Позднѣйшія свидѣтельства показываютъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ частными и исключительными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, а съ господствующимъ возрѣніемъ христіанскаго запада, неизмѣнно удержавшимся здѣсь на пространствѣ многихъ вѣковъ (судя по указаніямъ западныхъ пенитенціаловъ, напр. *Теодора кентерберійскаго* и др., опредѣляющихъ эпитиміи вступившимъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, *vel plus, безъ расторженія этихъ браковъ*,—см. *Gering, Lehrbuch des Kirchenrechts, 3-e Aufl., S. 913*), вплоть до настоящаго времени. На востокъ снисходительность къ послѣдовательному многобрачію никогда не простиралась такъ далеко, хотя и здѣсь предѣльная норма (третій бракъ), какъ увидимъ ниже, установилась въ законодательномъ порядкѣ не сразу.

¹⁾ Приводимъ и подлинный текстъ указаннаго мѣста въ виду трудности передать его по-русски безъ сдѣланныхъ въ скобкахъ поясненій: *Καὶ τοῦτο γὰρ εἰδέναι δεφείλετε, ὅτι μονογαμία μὲν κατὰ νόμον γινόμενή, δικαία, ὡς ἂν κατὰ γνώμην Θεοῦ ὑπάρχουσα διγαμία δὲ μετὰ ἐπαγγελίαν παρόνομον, οὐ διὰ τὴν συνάφειαν, ἀλλὰ διὰ τὸ ψεῦδος τριγαμία δὲ, ἀκρασίας σημεῖον, τὸ δ' ὑπὲρ τὴν τριγαμίαν, προφανὴς πορνεία καὶ ἀσελγεία ἀναμφίβολος* (*Pitra, Juris eccles. graec. hist. et. mon. t. I, p. 225*).

ценнаго сана ¹⁾, но и налагала на нихъ очистительную эпитимию. Тѣмъ болѣе, разумѣется, подвергались этой послѣдней *οἱ πλείστοις ἡμίμοις περιπίπτοντες* (неокес. пр. 3), т. е. вступившіе въ третій бракъ (см. Вас. В. пр. 4), при чемъ продолжительность покаянія естественно удлинялась сообразно возрастающей тяжести вины ²⁾. Что касается, затѣмъ, даль-

1) О второбрачїи, какъ препятствїи къ вступленію въ разрядъ священнослужащихъ лицъ (епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ), кромѣ св. писанїя (1 Тим. III, 2 12; Тит. I, 6), говорятъ слѣдующїя каноническія правила: апост. пр. 17, трул. соб. 3, св. Вас. В. 12. О томъ же многочисленныя свидѣтельства древне-христіанскихъ писателей см. у *Bingham'a—Origin. sive antiq. eccles. t. II, lib. IV, cap. 5, p. 153—8. Halae 1725*). Впрочемъ, указанное ограниченїе церковной правоспособности не было безусловнымъ: какъ видно изъ писема блаж. Феодорита къ патріарху антиохійскому Домну, въ восточной церкви бывали случаи поставленїа второбрачныхъ даже въ епископскїй санъ (см. *Domno ep. Antiochiae epist. CX, — Migne, Patrol. s. gr. t. LXXXIII, col. 1305—6*). О второбрачїи, какъ препятствїи къ хитротонїи въ священныя степени (или—по терминологїи католическаго церковнаго права—*irregularitas sacramenti*), кромѣ болѣе или менѣе краткихъ указанїй въ курсахъ церковнаго права, спеціально трактуютъ *Müller—De bigamia, irregularitatis fonte et causa (dissert. inaug.)*, Vratisl. 1868, и *Sachsse—Die Lehre vom defectus sacramenti*, Berl. 1881.

2) Продолжительность эпитимїи за второбрачїе, по-видимому, первоначально не была опредѣлена съ точностію, какъ можно судить на основанїи 1 пр. лаодикійскаго собора: здѣсь правильно (*ἐλευθέρας καὶ νομίμως*) вступившихъ во второй бракъ предписывается принимать въ общенїе „по прошествїи *непродолжительнаго* времени и по упражненїи въ молитвахъ и постѣ“, при чемъ есть даже возможность полагать, что имѣются въ виду не опредѣленныя формы *публичнаго* покаянія, а лишь нѣкоторыя сверхобычныя благочестивыя упражненїя, предписываемыя иногда въ древнихъ церковныхъ правилахъ и пенитенціалахъ вступающимъ и въ первый бракъ (см. *Binterim, Die vorzügl. Denkwürd., Bd. VI, Th. 1, S 359—360*). Впрочемъ, уже и въ этомъ правилѣ (въ словахъ: *κατὰ τὸν ἐκκλησιαστικὸν κανόνα*) можно, кажется намъ, усматривать нѣкоторый намекъ на устанавливавшуюся тогда (около половины IV вѣка) въ церковной практикѣ твердую норму отношенїй къ второбрачнымъ, становящимся вскорѣ потомъ въ ряды публично кающихся. Явились и болѣе точныя опредѣленїя „непродолжительнаго времени“ ихъ покаянія. По словамъ св. Василїя В. (пр. 4), въ его время, т. е. въ 70-хъ годахъ того же IV в., одни отлучали второбрачныхъ на годъ, а другїе на два; самъ св. отецъ склонялся, по-видимому, въ сторону большей нормы, насколько можно судить по опредѣленїю у него эпитимїи за тоебрачїе. На послѣднее, по строгому взгляду древней восточной церкви, нашедшему себѣ выраженїе въ каноническихъ правилахъ того же св. Василїя, „пѣтъ закона“, почему и случаи вступленїа въ третїй бракъ разсматриваются

нѣйшаго многобрачія (*πολυγαμία*), переступавшаго предѣлъ церковной снисходительности, то о немъ древніе восточные отцы совѣмъ „умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ человѣческому роду“, а св. Василій В., признавая его грѣхомъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ блудъ, опредѣлилъ (въ пр. 80), чтобы виновный въ семъ былъ единолѣтно плачущимъ, три лѣта припадающимъ и уже только потомъ — по истеченіи извѣстнаго, опредѣляемаго усмотрѣніемъ духовника, времени пребыванія въ разрядѣ слушающихъ и въ общемъ стояніи съ вѣрными, но безъ участія въ евхаристіи—былъ принимаемъ въ церковное общеніе ¹⁾. Само

здѣсь, какъ „нечистоты въ церкви“ (*ουκἀσμεατα τῆς ἐκκλησίας*—Вас. В. пр. 50). Однако, по снисхожденію къ человѣческой немощи, и третій бракъ не былъ воспрещенъ совершенно, какъ союзъ все же лучший, чѣмъ распутное любодѣяніе, и вступившіе въ него не подвергались „всенародному осужденію“ (т. е. расторженію ихъ сожителства, по толкованію Вальсамона,—см. Правила св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 312. М. 1884). Но, разумѣется, они должны были, подобно второбрачнымъ, пройти извѣстный путь покаянія, продолжительность котораго увеличивалась „по соразмѣрности“: во времена св. Василія В. тоебрачныхъ отлучали на три, а иногда и на четыре года, самъ же онъ, слѣдуя также обычаю и примѣру предшественниковъ, находилъ справедливымъ назначать въ этомъ случаѣ пятилѣтній срокъ эпитиміи (т. е. высшую норму, откуда слѣдуетъ заключить, что и для второбрачныхъ, „по соразмѣрности“, нормою покаянія признавалась имъ двухлѣтняя, а не одногодичная эпитимія). При этомъ отбывающіе покаяніе въ первые два или три года допускались лишь къ слушанію писаній, а потомъ и къ стоянію съ вѣрными во все продолженіе церковной службы, только безъ права приобщенія святыни* (пр. 4). Послѣднія замѣчанія указываютъ на важную перемѣну, происшедшую въ пенитенціарной практикѣ со времени лаодикійскаго собора: лица, подвергаемая эпитиміи за вступленіе въ третій и второй бракъ, ставятся въ опредѣленные разряды кающихся и проходятъ опредѣленные ступени публичнаго покаянія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти каноническія опредѣленія о продолжительности церковнаго покаянія второбрачныхъ и тоебрачныхъ, какъ и всѣ вообще указанія касательно сроковъ эпитиміи, не отличались характеромъ безусловной обязательности и имѣли больше формальное, чѣмъ практическое значеніе, подвергаясь сокращеніямъ въ силу общаго права диспенсаціи по вниманію къ душевному настроенію кающагося и еще больше—къ измѣнившимся требованіямъ жизни (см. подробное разъясненіе этого въ 102 пр. трульскаго собора).

¹⁾ Такъ понимаемъ мы опредѣленіе св. отца относительно срока эпитиміи за „многобрачіе“, слѣдуя авторитетному изъясненію смысла указаннаго правила у византійскихъ толкователей — Зонары и Вальсамона

собою понятно, что самая возможность восстановления та-кимъ путемъ церковной правоспособности для впавшихъ въ грѣхъ „многобрачія“ необходимо обусловливалась тѣмъ, что они прежде всего — „оставяютъ гнусное дѣло и расторгнутъ незаконный бракъ“¹⁾.

Воззрѣніе на повторяемость христіанскаго брака, усвоенное церковію, не осталось чуждымъ и законодательству византійскихъ императоровъ, развивавшемуся, какъ извѣстно, на основѣ до-христіанскаго римскаго права, но подъ постояннымъ и сильнымъ вліяніемъ церкви. Вліяніе это въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно было обнаружиться постепеннымъ преобразованиемъ юридическихъ опредѣленій, сложившихся въ періодъ господства иныхъ, чуждыхъ христіанскому аскетизму, нравственныхъ понятій и идеаловъ. Хотя древнему міру и не была совершенно чуждою мысль о преимуществѣ единобрачія надъ послѣдовательнымъ многобрачіемъ, по крайней мѣрѣ—для одной стороны²⁾, тѣмъ не менѣе эта мысль не имѣла обязательнаго значенія, и римское право до-христіанской эпохи допускало не только второй и третій, но и дальнѣйшіе браки безъ ограниченія, съ соблюденіемъ только изв. промежутка между прежнимъ и послѣдующимъ бракомъ при нѣкоторыхъ случаяхъ развода и съ запрещеніемъ овдовѣвшей женѣ вступать въ новый бракъ прежде, чѣмъ истечетъ узаконенное *tempus lugendi*, въ случаѣ прекращенія брака смертію мужа³⁾. Такое отношеніе къ повторяемости брака стояло

(см. Прав. св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 365—6).

¹⁾ Толкованіе Аристина на 80 пр. св. Василія,—тамъ же, стр. 365.

²⁾ Именно—для жены, по отношенію къ которой *multorum matrimoniorum experientia* разсматривалась въ греко-римскомъ мірѣ *quasi legitimaе cujusdam intemperantiae signum*, и наоборотъ—считалось почетнымъ наименованіе *univira* (*uni nupta viro*), нерѣдко обозначавшееся даже на надгробномъ камнѣ такихъ вѣрныхъ первому браку женъ (*Zhishman*, op. cit. S. 401). На мужа эта точка зрѣнія не распространялась потому, что на мужчину возлагалась обязанность, имѣвшая релігіозно-политическое значеніе: быть продолжателемъ рода, источникомъ новаго поколѣнія читателей родового культа и гражданъ родного государства.

³⁾ Нужно замѣтить, что указанное замедленіе возможности для жены вступить во второй бракъ имѣло единственную цѣль — предотвратить *turbatio sanguinis* и потому въ своей продолжительности соразмѣрялось

въ очевидномъ разладѣ съ взглядомъ на тотъ же предметъ, твердо установившимся, какъ мы видѣли, преимущественно въ восточной, болѣе сильной и вліятельной половинѣ древне-христіанскаго міра, и не удивительно, если уже въ законодательствѣ первыхъ христіанскихъ императоровъ мы встрѣчаемся съ опредѣленіями, въ которыхъ замѣтна тенденція перенести церковную точку зрѣнія на второбрачіе и въ область гражданскихъ законовъ. Тенденція эта обнаруживается, съ одной стороны, въ сокращеніи количества законныхъ основаній для развода, чѣмъ сама собою сокращалась и возможность повторенія браковъ, съ другой—въ усиліяхъ отодвинуть возможно дальше послѣдующій бракъ отъ предыдущаго и затруднить доступъ къ нему для овдовѣвшей половины брачной четы ¹⁾. Однако ни въ императорскихъ

съ наибольшимъ срокомъ беременности (10 мѣсяцевъ), принятымъ въ римскомъ правѣ. Что касается овдовѣвшаго мужа, то онъ считался *caelebs* со дня смерти жены и могъ хотъ тотчасъ же вступить въ новый бракъ. До какой степени при этомъ была чужда правовому сознанію мысль о высотѣ безбрачія послѣ наступившаго вдовства, можно судить по тому, что по *lex Julia et Papia Poppaea* (издан. при Августѣ) бездѣтные вдовцы даже обязывались вступить въ новый бракъ, если желали избѣгнуть установленнаго закономъ невыгодныхъ послѣдствій бездѣтности и безбрачія.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить прежде всего измѣненіе продолжительности и значенія *temporis lugendi*. Конституція имп. Граціана, Валентиніана и Θεодосія, изданная въ 381 г., узаконяетъ полный, 12-мѣсячный *annus luctus*, признавая при томъ же и этотъ срокъ слишкомъ короткимъ (l. 2 Cod. V, 9). Очевидно, прежній мотивъ относительно *turbatio* отступаетъ здѣсь совсѣмъ на задній планъ, уступая мѣсто новому—необходимости для вдовы если не полного, то возможно болѣе продолжительнаго воздержанія отъ вступленія въ новый бракъ. На ряду съ этимъ императорскія узаконенія, относящіяся къ той же эпохѣ, подвергаютъ какъ женщину, такъ и мужчину, вступающихъ во второй бракъ, нѣкоторымъ имущественнымъ невыгодамъ, ограждая и поддерживая этимъ самымъ интересы дѣтей, прижитыхъ второбрачными супругами отъ перваго брака (см. Cod. Theodos. lib. III, tit. 8—9). Законодательство Юстиніана идетъ въ этомъ направленіи еще дальше, вводя цѣлый рядъ новыхъ ограниченій имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ лицъ, вступающихъ во второй бракъ (l. 1 Cod. V, 9; Nov. XXII, 22 и др.). Однако и здѣсь эти ограниченія по прежнему вызываются желаніемъ оградить интересы первобрачныхъ дѣтей и едва-ли могутъ быть понимаемы какъ прямое отраженіе неблагоприятнаго взгляда на самое второбрачіе. Вліяніе такого взгляда можно усматривать только въ усвоенномъ юстиніановскимъ законодательствомъ изъ каноническаго права запре-

конституціяхъ, вошедшихъ въ юстиніановскій „Кодексъ“, ни даже въ новеллахъ самого императора Юстиніана и его близкихъ преемниковъ мы еще не находимъ прямыхъ ограничительныхъ постановленій относительно дозволеннаго числа послѣдовательныхъ браковъ. Не содержится такого постановленія и въ „Эклогѣ“, законодательномъ кодексѣ императоровъ—иконоборцевъ, хотя ея совершенное умолчаніе о третьемъ бракѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, открываетъ возможность двоякаго предположенія: можно предположить ея согласіе съ раньше дѣйствовавшимъ свѣтскимъ законодательствомъ, или—напротивъ—думать, что „Эклога“, сполна воспринимая церковный взглядъ (и даже—прибавимъ—нѣсколько утрируя его), умалчиваетъ о третьемъ бракѣ потому, что считаетъ его юридически — невозможнымъ ¹⁾. Вѣроятность послѣдняго предположенія, вполне соотвѣтствующаго общему духу и характеру названнаго памятника, находитъ себѣ подтвержденіе въ позднѣйшемъ законѣ имп. Ирины (ок. 800 г.), безусловно воспрещающемъ третій и послѣдующіе браки ²⁾. Не смотря на это, въ практикѣ продолжали еще сохранять силу традиціи древняго права, допускавшія даже и четвертый бракъ. Но въ сферѣ положительнаго законодательства отрицательное отношеніе къ нему упрочилось уже настолько, что новый законодательный сводъ императоровъ македонской династіи—„Прохиронъ“, стремившійся по мѣрѣ возможности реставрировать основоположенія юстиніановскаго права, не только не призналъ четвертаго брака дозволеннымъ, но прямо объявилъ его подлежащимъ расторженію, дѣтей отъ него — незаконными, а вступившихъ въ такой бракъ—виновными наравнѣ съ осквернившими себя блудомъ.

щевіи посвящать въ духовный санъ вдовца, вступившаго во второй бракъ, и мужчину, женатаго на вдовѣ (Nov. VI, с. 5; СХХХVII, с. 2). За исключеніемъ этихъ, особенныхъ по своему религіозно-служебному положенію лицъ, повторительный бракъ для всѣхъ прочихъ не считался недозволеннымъ.

¹⁾ Проф. Суворовъ Н. С. Объемъ дисциплинарн. суда и юрисдикціи въ древней церкви, стр. 278—9.

²⁾ *Ὁρίζομεν παντὶ τρίτον συνοικέσιον καὶ ἐπέκεινα μὴ γίνεσθαι, ὡς ἀλλότρια τῆς θείας ἀποστολικῆς διατάξεως καὶ ξένα τῆς χριστιανικῆς ἀγχιτοίας.* (Zachariae—lus graeco-romanum, t. III, p. 60; то же въ *Σύντ.* Ралли и Потли, т. V, стр. 252).

Однако третій бракъ былъ дозволенъ вновь, и при томъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и второй (*ὡστε οὐν τὰ αὐτὰ δίκαια προβαίνειν καὶ ἐπὶ τοῦ τρίτου συνοικεσίου, ὁλοβα καὶ ἐπὶ τοῦ δευτέρου*), т. е. съ примѣненіемъ одинаковыхъ гражданскихъ послѣдствій и одинаковой церковной епитиміи ¹⁾. Послѣднее, однако, не соотвѣтствовало каноническимъ опредѣленіямъ о томъ же предметѣ, на что вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе въ одной изъ своихъ новеллъ (XC) императоръ Левъ Мудрый, настаивая на болѣе строгомъ отношеніи къ третьему браку ²⁾. Но самъ же законодатель, и пошелъ первый наперекоръ своимъ узаконеніямъ, вступивши въ третій, а потомъ даже и въ четвертый бракъ. Возникшіе по этому поводу споры между двумя партіями, изъ которыхъ одна держала сторону императора, а другая, съ патриархомъ во главѣ, настаивала на общеобязательности церковныхъ каноновъ, закончились только въ 920 г. такъ называемымъ актомъ соединенія (*ὁ τόμος τῆς ἐνώσεως*), составленнымъ на соборѣ и окончательно формулировавшимъ на будущее время рѣшеніе спорнаго вопроса. „Опредѣляемъ общимъ мнѣніемъ и судомъ,—читаемъ мы здѣсь—чтобы съ настоящаго года никто не дерзалъ на четвертый бракъ, который совершенно отвергается (*εἶναι ἀπόβλητον παντελῶς*); и если кто рѣшится вступить въ такое сожительство, да будетъ лишенъ всякаго церковнаго собранія и чуждъ самага входа въ святыи храмъ до тѣхъ поръ, пока останется въ этомъ сожительствѣ, ибо такъ угодно было и св. отцамъ, бывшимъ прежде насъ. И мы, дѣлая это рѣшеніе болѣе яснымъ, объявляемъ такового чуждымъ христіанскаго общества. Такъ—о четвертомъ бракѣ. А чтобы привести въ большее благообразіе и другіе (повторительные) браки и дать имъ такой видъ, чтобы они не казались недостойными христіанской жизни, мы и относительно третьяго брака опредѣляемъ, что онъ не долженъ быть совершаемъ просто и какъ случилось; ибо хотя онъ и былъ терпимъ отцами, какъ нечистота, или такое дѣло, которое тогда не совершалось еще такъ безстыдно,... но нынѣ, когда эта нечистота сдѣлалась открытою и, вслѣдствіе повсюднаго распро-

¹⁾ Prochir. tit IV, c. 25.

²⁾ Zachariae—Jus gr.—rom., t. III, p. 186.

страненія, не считается уже чѣмъ — либо постыднымъ и оскверняющимъ, мы признали за благо устранить ее точно такъ, какъ мы никогда не оставляли грязи, если она лежитъ не въ углу, а раскидана по жилищу, но очищаемъ домъ и выбрасываемъ изъ него все, неприятное для глазъ. Итакъ, уступая человѣческой немощи и заботясь о подобающемъ христіанской жизни благоприличіи, опредѣляемъ соблюдать относительно третьяго брака слѣдующее: если кто, доживъ до сорока лѣтъ и не стыдясь природы, не имѣя попеченія о подобающемъ каждому христіанину благоустройствіи своей жизни, но движимый только страстнымъ вожделѣніемъ, ввергнетъ себя въ третій бракъ, таковой не имѣетъ участія въ причащеніи святыхъ таинъ до истеченія пятилѣтія (*μέχρι πενταετίας ἀμέτοχον εἶναι τῆς τοῦ ἁγιασμοῦ μεταλήψεως*), и это соблюдается со всею строгостью, такъ что срокъ эпитиміи ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть сокращаемъ для него. Ибо кто послѣ сорокового года возлюбилъ быть или считается въ христіанской церкви нечистою, тотъ какое представить удостовѣреніе въ томъ, что онъ печется о своей жизни и заслуживаетъ того, чтобы для него сокращено было время отлученія отъ таинъ? Но и послѣ того, какъ онъ будетъ удостоенъ пречистаго причащенія, не должно быть дозволяемо ему приступать къ причащенію въ другое время, развѣ только въ день спасительнаго воскресенія Христа и Бога нашего, когда онъ, сколько возможно, очистится воздержаніемъ въ предшествовавшіе дни поста. Но это мы говоримъ о тѣхъ, которые, какъ сказано, вступаютъ въ третій бракъ послѣ сорокового года, не имѣя дѣтей отъ прежнихъ браковъ: ибо, если будутъ дѣти, третій бракъ для нихъ недозволителенъ (*ἐὰν τέκνα παρῆ, ἀσυγχώρητος αὐτοῖς ἡ τρίγαμία*), такъ какъ было весьма несправедливо потакать безвременному похотѣнію отца и не позаботиться о судьбѣ дѣтей отъ прежнихъ браковъ, чтобы они были обезпечены и свободны отъ невыгодъ, какими сопровождается для семьи излишнее чадородіе. А кто, будучи тридцати лѣтъ и имѣя дѣтей отъ предшествовавшихъ браковъ, соединится съ третьею женою, таковой безъ всякаго снисхожденія долженъ быть удаленъ отъ таинъ на четыре года, потому что онъ вступилъ въ этотъ бракъ, очевидно, не вслѣдствіе чего-нибудь другого, а по увлече-

нiю невоздержанiемъ и потому, что онъ рабъ плотскихъ пожеланiй. А по истеченiи срока эпитимiи только трижды въ годъ онъ удостоивается причащенiя таинъ: въ первый разъ—въ день спасительнаго воскресенiя Христа и Бога нашего, во второй—въ усленiе Пречистой Владычицы нашей Богородицы и въ третiй—въ день рождества Христа и Бога нашего, потому что и этимъ днямъ предшествуетъ постъ, доставляющiй пользу (немошнымъ душамъ). А если дѣтей нѣтъ, то поелику желанiе чадорожденiя не непростительно, пусть такой бракъ удостоится снисхожденiя и уврачуется эпитимiею, какая дѣйствовала отъ начала и до нынѣ (*τὸ τριπλάκιον οὐγγύριον ἀξιωθήσεται ὁ τοιοῦτος γάμος, καὶ μόνον τῷ ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατῆσαντι ἐπιτίμιον θεορλευθήσεται*)⁴. Что же касается второго брака, то онъ признанъ дозволеннымъ подъ условiемъ точнаго соблюденiя установленныхъ правилъ, охраняющихъ чистоту брачнаго союза вообще ¹⁾ и—разумѣется—безъ отмѣны назначенной въ канонахъ за второбрачiе эпитимiи ²⁾.

Приведенное соборное опредѣленiе, будучи церковнымъ по своему происхожденiю и по содержанiю раскрываемыхъ въ немъ положенiй относительно повторяемости христiанскаго брака, съ самаго начала, благодаря императорской санкцiи, получило силу и гражданскаго закона ³⁾. Это обстоятель-

¹⁾ *Ὁ γάμος τῆς ἐνώσεως* въ подлинникѣ напечатанъ сполна у *Zachariae*—Jus gr.—rom. t. III, p. 228—232. въ аѳинской *Σύνταξις*, t. V, p. 4—10 и у *Leunclavia*—Jus graeco—roman. t. 1, p. 104—§. Славянскiй переводъ „тома“ составляетъ 52-ю главу Кормчей, по изд. 1787 г. л. 245 об.—254 об. Русскiй переводъ, приведенный въ текстѣ, заимствованъ изъ толкованiя Вальсамона къ 4 пр. св. Василия В.,—^{СМ.} „Правила св. оо. съ толков.“, изд. М. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 171—8.

²⁾ Вопреки мнѣнiю Вальсамона (см. его толков. на 7 пр. Неокес. соб.,—Прав. св. помѣстн. соб. съ толков., выд. 1, стр. 86. М. 1880). Такое мнѣнiе не можетъ быть принято, на нашъ взглядъ, во 1-хъ потому, что не соответствуетъ общему ригористическому духу соборнаго опредѣленiя, изрекающаго свой судъ и назначающаго эпитимiи *μετὰ πάντος ἀκρεθείας*, древнихъ каноновъ; во 2-хъ, какъ не находящее себѣ подтвержденiя въ практикѣ послѣдующаго времени, насколько о ней можно судить по „каноническимъ отвѣтамъ“ различныхъ iерарховъ и церковно-административныхъ дѣятелей (см. отвѣты Илiи м. критскаго — въ *Σύντ.* V, p. 378; Никиты м. ираклiйскаго—*ibid.*, p. 441, и др.).

³⁾ Такъ именно смотритъ на него извѣстный знатокъ памятниковъ визавтiйскаго права Цахарiѣ фонъ—Лингенталь, помѣстившiй *γάμος τῆς*

ство даетъ намъ право видѣть въ немъ завершительное звено того процесса, которымъ законодательство византийскихъ императоровъ постепенно шло отъ традиціи до-христіанскаго права къ усвоенію церковно-канонической точки зрѣнія на второй и послѣдующіе браки христіанъ. Съ изданіемъ „акта соединенія“ предметъ этотъ какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ законодательствѣ получилъ свое окончательное, вполне тождественное разрѣшеніе, которое стало руководящею нормою для практики послѣдующихъ временъ ¹⁾).

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что православная церковь, дѣйствительно, изначала иначе относилась ко второму и дальнѣйшимъ бракамъ своихъ членовъ, чѣмъ къ первому. Но уже изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, говорящихъ объ этомъ, не трудно усмотрѣть, что источникъ такого отношенія заключался отнюдь не въ предполагаемомъ *догматическомъ* воззрѣніи древней церкви, усвоившей, будто-бы, лишь первому христіанскому браку значеніе таинства, а въ томъ идеальномъ пониманіи *нравственной* природы брачнаго союза, которое, не будучи совершенно чуждымъ и до-христіанскому міру, вполне раскрылось, однако, лишь въ христіанствѣ. Послѣднее, разсматривая бракъ съ его естественной, нравственно-психологической стороны, видитъ въ немъ такой человѣческой союзъ, въ которомъ личность одного пола, со всѣми ея природными свойствами, настолько тѣсно и гармонически соединяется съ личностью другого пола, что составляетъ съ нею какъ-бы единый духовный организмъ^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10}, болѣе совершенный въ этомъ новозданномъ цѣломъ, чѣмъ въ своихъ частяхъ. Этотъ союзъ уже при самомъ своемъ возникновеніи представляетъ такое тѣсное общеніе двухъ индивидуальностей, которымъ совершенно исключается для каждой изъ нихъ возможность по-

ἐνωσεως въ своемъ изданіи императорскихъ новеллъ. По его словамъ, названный памятникъ *ab ipsis Graecis novellae legis instar habetur* (см. *Jus graeco-rom.*, t. III, p. 227, примѣч.).

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе у *Zhishman'a*, *op. cit.* S. 443—6. Вполнѣ согласную съ опредѣленіями „тома“ практику отмѣчаетъ и бл. Симеонъ Солунскій въ „Разгов. о священнод. и таинств. церк.“, гл. 241, — русск. перев. въ Пис. св. оо. и учит. церкви, относящ. къ истолков. правосл. богослуж., т. II, стр. 352.

добнаго же общенія съ какимъ-либо третьимъ лицомъ. „Цѣльная личность человѣческая не можетъ раздвоиться; если одна личность отдалась другой вполне и безраздѣльно, то невозможно, чтобы она такъ же полно могла отдаться и въ другой разъ третьей личности“, тѣмъ болѣе, что изначала предполагаемая духовная близость супруговъ, при нормальномъ теченіи ихъ общей жизни, постепенно растетъ и крѣпнетъ все болѣе и болѣе, преобразуясь въ концѣ концовъ въ самое глубокое, живое и тѣсное единство. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ дѣйствительно „трудно, чтобы по прекращеніи такого союза заключаемый тѣмъ или другимъ супругомъ второй бракъ былъ подобенъ первому по искренности и энергіи жизненнаго общенія, а послѣдшность въ заключеніи новыхъ и новыхъ супружествъ прямо и ясно показывала бы въ супругѣ грубую природу и низкую степень духовнаго развитія“ ¹⁾. Вотъ та точка зрѣнія на существо и характеръ брачныхъ отношеній, которая вполне соотвѣтствуетъ нравственно-христіанскому понятію объ этомъ предметѣ и которая изначала должна была имѣть опредѣляющее значеніе при установленіи отношеній церкви ко вторымъ и третьимъ бракамъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ не осталась безъ вліянія и та мысль, что христіанскій бракъ долженъ быть подобіемъ союза единого Христа съ единою церковію, откуда могли быть дѣлаемы выводы о неповторяемости брачныхъ сопряженій ²⁾. Но какъ ни близко соприкасались эти выводы съ догматическимъ воззрѣніемъ на бракъ, какъ на „великую тайну во Христа и во церковь“, тѣмъ не менѣе устанавливать между ними причинную связь и объяснять отношеніе церкви къ послѣдовательному двоебрачію и троебрачію изъ *догматическаго* ученія ея о таинствѣ

¹⁾ *Страховъ Н.* Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія, стр. 77. Харьковъ 1893.

²⁾ Подобнаго рода сужденія мы дѣйствительно встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ изъ древнихъ отцовъ. Такъ, напр., св. Григорій назіанз., разсуждая (въ словѣ 37) объ изреченіи апостола: „Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь“, говоритъ: „Мнѣ кажется, что это изреченіе не даетъ мѣста второму браку. Ибо если два Христа, то и два мужа, двѣ и жены, а если одинъ Христосъ, одна глава церкви, то и одна плоть, а всякая другая да будетъ отринута. Если же возбраняеть второй (бракъ), то что сказать о третьемъ?“ (Твор. св. Григорія наз. въ р. перев., т. III, стр. 220).

брака было бы ошибочно. Аналогія брачнаго союза съ его высокимъ первообразомъ выступала въ данномъ случаѣ лишь тою своею стороною, которая уясняла нравственную природу брачнаго соединенія, какъ совершеннѣйшаго внутренняго единства; и поскольку супружескій союзъ, будетъ ли онъ первый, второй или третій, способенъ былъ осуществить въ себѣ это духовное единство, постольку онъ и представлялся приближающимся, по своему *нравственному* характеру, къ указанному первообразу ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять то нравственное предпочтеніе, какое отдавалось церковью первому браку предъ вторымъ и третьимъ. Только супружескій союзъ лицъ, не знавшихъ до него иного сопряженія, способенъ, согласно вышесказанному, соединить въ себѣ всѣ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы развиться и окрѣпнуть въ истинное подобіе союза Христа съ церковью, и только при вѣрности овдовѣвшаго супруга разъ данному обѣту осуществляется идеаль истинно-христіанской любви, не прекращающейся и со смертію кого-либо изъ супруговъ ²⁾. Но идеаль этотъ, какъ и всякій другой, не могъ быть проводимъ церковью въ жизнь ея членовъ со всею неумолимостью общезаключительнаго закона, встрѣчая для себя ограниченіе въ справедливомъ требованіи снисхожденія къ человѣческой природѣ, способной испытывать вновь чувство любви и искать новой привязанности послѣ того, какъ распался существовавшій

¹⁾ Что эта мысль не была совершенно чуждою древне-церковному сознанию, можно убѣдиться изъ того, что самый союзъ Христа съ церковью у одного изъ древнихъ отцовъ (св. Иларія пуатьес.) представляется, какъ аналогія союзу *второбрачныхъ*. Вотъ его слова: Viduam, quae a lege sit liberata, beatus Paulus transire ad nuptias alterius sine adulterii crimine docuit: idque exemplum omnem ad Ecclesiam, quae legis se mortua Christo postea sociaret, aptavit (Tract. in Psalm. 57, n. 7, — *Migne Patrol. lat. t. IX, col. 446--7*; см. еще tract. in Psalm. 131, n. 24, — *ibid. col. 742--3*).

²⁾ Въ житіи блаж. Макарины, составленномъ братомъ ея, св. Григоріемъ нисскимъ, рассказывается, что она, побуждаемая родителями, послѣ смерти своего жениха, избрать себѣ другого, отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, указывая на то, что неприлично и незаконно не уважать разъ сдѣланнаго выбора, такъ какъ *бракъ по естеству есть одинъ*, какъ одно рожденіе и одна смерть; при томъ же и прежній скончавшійся женихъ „живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія“, — онъ только какъ-бы удалился на время, и было бы безразсудно не соблюсти вѣрности отсутствующему (Творенія св. Григорія нисск., ч. VIII, стр. 131).

брачный союзъ. Идти наперекоръ естественнымъ запросамъ этого рода, противопоставляя имъ безусловное требованіе единобрачія, во многихъ случаяхъ значило бы подвергать непосильному искушенію челоувѣческое несовершенство и отдавать его въ жертву невоздержанія, находящаго себѣ удовлетвореніе во внѣбрачныхъ связяхъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ раскрываемый древне-христіанскими писателями церковно-аскетическій взглядъ на повторяемость брака, какъ на *remedium incontinentiae* — предохранительное средство противъ полового невоздержанія ¹⁾. Но *многократное* обращеніе къ *remedium* не соотвѣтствуетъ достоинству христіанина, какъ свидѣтельство о крайне нездоровомъ его нравственномъ состояніи, и потому естественно вызываетъ неблагоклонное отношеніе къ себѣ со стороны церкви. „*Non prohibemus secundas nuptias, sed non probamus saepe repetitas* 2)— вотъ общая древне-церковная точка зрѣнія на послѣдовательное многобрачіе, соотвѣтственно которой представители церковной власти, „заботясь о подобающемъ (христіанской жизни благоприличіи“, настойчиво стремились — какъ мы видѣли—къ тому, чтобы насколько возможно ограничить повторяемость браковъ.

Но какова же была при этомъ собственно догматическая точка зрѣнія на второй и третій бракъ? Вполнѣ опредѣленнаго и прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы напрасно стали бы искать у древнихъ христіанскихъ писателей. Но нѣкоторыя, и при томъ довольно твердыя, на нашъ взглядъ, основанія для богословскихъ соображеній по этому вопросу у нихъ все же есть. Исходнымъ пунктомъ такихъ соображеній должны служить слова св. ап. Павла, разрѣшающаго юнымъ вдовцамъ вступать въ новый бракъ, „точію о Господѣ“ (*μόνον ἐν Κυρίῳ*,—1 Кор. VII, 39). Смыслъ этого изреченія у древне-христіанскихъ толковниковъ достаточно опредѣленъ. Въ ихъ изъясненіи слова: „точію о Господѣ“ являются предостере-

¹⁾ *Hieronimi*—Ер. 48 ad Pammach. n. 14, — *Migne Patrol. lat. t. XXII, col. 505*. Тотъ же самый взглядъ выраженъ, какъ мы видѣли, и въ *τῶμος τῆς ἐνάσεως*, которымъ представители власти церковной и государственной на востокѣ допустили, съ извѣстн. ограниченіями, третій бракъ, *τῆ ἀνδραπίῳ συνυλεύοντες ἀσθενείῳ* (*Zachariae* — *Jus gr. — rom. t. III, p. 231*).

²⁾ *Ambrosii*—*Lib. de viduis, cap. 11*,—*Migne Patrol. lat. t. XVI, col. 268*.

женіемъ со стороны апостола юныхъ вдовиць отъ возможности вступить въ бракъ, не соотвѣтствующій христіанско-церковнымъ требованіямъ относительно этого союза ¹⁾. Очевидно, слова „о Господѣ“ при такомъ толкованіи отмѣчаютъ собою именно тѣ черты, которыя отличаютъ собственно *христіанскій* бракъ отъ брака вообще, въ смыслѣ естественнаго, обще-человѣческаго союза. Въ чемъ же состоитъ наиболѣе важное и существеннѣйшее изъ этихъ отличій? Bonum puritatum—отвѣчаетъ на это блаж. Августинъ—per omnes gentes atque omnes homines in causa generandi est et in fide castitatis, quod autem ad populum Dei pertinet, etiam in *sanctitate sacramenti* ²⁾. Но эта „святыня таинства“, присущая христіанскому

¹⁾ Ближайшимъ образомъ при этомъ обычно имѣется въ виду требованіе, чтобы христіане вступали въ бракъ только съ единовѣрными имъ, а отнюдь не съ язычниками или еретиками. Древнѣйшіе писатели, разумѣется, имѣютъ въ виду преимущественно первыхъ. Такой именно смыслъ даетъ занимающему насъ изреченію апостола Тертуліанъ въ соч. De monogamia (cap. 7): „Посылающая—говоритъ она—должна посвятить о Господѣ, т. е. не за язычника, а за брата (христіанна)“. См. его же Adv. Marcion. lib. V, с. 7; Ad uxor. lib. II, с. 2. Точно такъ же изъясняютъ это выраженіе блаж. Іеронимъ (Ep. XLVIII, sive liber apologeticum, ad Pammach., n. 5, — *Migne Patrol. lat. t. XXII, col. 497*), св. Кирилъ кареаг. (Testim. ad Quirin. lib. III, с. 62, — *Migne Patrol. lat. t. IV, col. 798*) и др. Браки христіанъ съ язычниками, по воззрѣнію этихъ церковныхъ писателей, суть adulterium и stuprum (*Tert. Ad uxor. lib. II, с. 3, — Migne Patr. lat. t. I, col. 1405*); вступать въ такой союзъ значитъ prostituere membra Christi (*Cypr. Lib. de laps. с. 6, — Migne Patr. lat. t. IV, col. 483*; ср. *Hieron. Ad Iov. lib. I с. 10*). Впослѣдствіи, когда, съ окончательнымъ паденіемъ язычества въ греко-римской имперіи, подобные браки стали невозможны и сами по себѣ, церковные писатели, сохраняя тотъ же общій смыслъ истолковываемаго мѣста, стали видѣть въ немъ запрещеніе браковъ православныхъ съ еретиками. Такъ, Вальсамонъ, въ толкованіи на 41 пр. св. Василія В., замѣчаетъ: *Τὸ μέντοι τῷ κανόνι προσκείμενον, καὶ λέγον, μύνον ἐν Κυρίῳ, προσετίθη, διὰ τοῦ ἀποστόλου: ἐν Κυρίῳ γὰρ συναλλάττει γάμον ἢ μετὰ ὀρθοδόξου, οὐ μὴν μετὰ ἀρετικῆς συναφθεῖσα* (*Σύντ. IV, 189*; ср. Властаря *Σύντ. στιχ. Γ, κεφ. 4*). Другіе церк. писатели даютъ апостольскому нареченію болѣе широкій смыслъ. Такъ, по изъясненію Златоуста (въ бес. XIX на 1 Кор. VII, 1—2), вступать въ бракъ ἐν Κυρίῳ значитъ совершать это μετὰ σωφροσύνης, μετὰ κοσμιότητος (*Migne Patrol. gr. t. LXI, col. 160*). Ср. блаж. Θεодорита толков. на 1 Кор. VII, 39 (*Migne ibid. t. LXXXI, col. 285*).

²⁾ De bono conjugali, cap. 24, n. 32, — *Migne Patr. lat. t. XL, col. 394* Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (cap. 18, n. 21), противоположая христіан-

браку, очевидно не составляетъ исключительной принадлежности союза первобрачныхъ. Вслѣдъ за проф. Павловымъ, мы склонны видѣть выраженіе „общецерковной мысли“ въ замѣчаніи того же великаго учителя западной церкви, что въ послѣдующихъ бракахъ лишь „утрачивается нѣкая норма таинства“ сравнительно съ первымъ ¹⁾. Отступленіе отъ „нормы таинства“ въ повторяющихся бракахъ видѣлось христіанскому сознанію именно въ томъ, что второй, напр., бракъ, а тѣмъ болѣе—другіе послѣдующіе по своему нравственному содержанію уже не могли быть *полнымъ* образомъ своего великаго первообраза—таинственного союза Христа и церкви. Этимъ легко объясняется, почему въ древнѣйшихъ упоминаніяхъ о бракѣ среди другихъ таинствъ употреблялись такіа выраженія, какъ *ὁ πρώτος* и *ὁ παρθενικός γάμος*; этими выраженіями отмѣчалось лишь то, что только строго-моногамической и неразрывной, исключаящей всякую мысль о другомъ подобномъ жизнеобщеніи, союзъ мужа и жены можетъ быть въ полномъ смыслѣ „тайною во Христа и во церковь“.—Общій же выводъ изъ всего предыдущаго—тотъ, что во второмъ и особенно въ послѣдующемъ (третьемъ) бракѣ церковь осуждала собственно субъективное *нравственное расположеніе* вступающихъ въ таковой союзъ, но не *отрицали таинства въ самомъ этомъ союзѣ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Громогласовъ.

скіе браки языческимъ, онъ замѣчаетъ: In nostrarum (christianorum) nuptiis plus valet *sanctitas sacramenti*, quam foecunditas uteri,—*Migne* *ibid.* col. 388.

¹⁾ *Августинъ*, De bono conjug., c. 18, n. 21: Visum est enim, qui excessit uxorum numerum singularem, non peccatum aliquod commisisse, sed *normam quandam sacramenti amisisse*, non ad vitae bonae meritum, sed ad ordinationis ecclesiasticae signaculum necessarium. *Migne* *Patr. lat.* t. XL, col. 387—8. См. *Павлова*—50-я глава Коринчей книги, стр. 66.